

Литературные чтения:

Год Достоевского

В. ЛАКШИН

ЕСЛИ бы Достоевскому дано было воскреснуть и неузнанным пройти улицами современных городов Европы, Азии и Америки, сколько раз пришлось бы ему горестно воскликнуть, закрыв лицо руками: «Я это знал! Я это знал!»

Достоевский давно стал писателем не только русским — мировым, и масштаб его нынешнего понимания должен соответствовать этому. Все бедствия XX века, которые принес миру капитализм и о которых привычно говорят столбцы газет: манипулирование сознанием масс, наркотический дурман, левый и правый терроризм, жизнь под страхом ядерной бомбы и прочая, и прочая, — было бы преувеличением считать, что Достоевский предсказал все эти ужасы современного западного мира. Но что он угадал и «вычислил» психологию, с этим связанную, — бесспорно. А кое-что, вроде идеи «великого инквизитора» или теории Раскольникова, оправдывающей убийство, или горячечных мечтаний героев «Бесов» о механически регламентированном человечестве, где «всякого гения потушат в младенчестве», будто увидел он в пророческом сне.

В скорбной толпе современников ровно сто лет назад, в 1881 году, провожавших гроб с его телом на Тихвинское кладбище, лишь немногие отдавали себе отчет в том, кого они хоронят. В глазах большинства он занимал свое место в блестящей плеяде русских романистов, располагаясь где-то между Тургеневым и Гончаровым.

Всемирное значение фигуры Достоевского открылось позже, и в полной мере лишь в наши дни. В свете его догадок и озарений по отношению к человеку, современному ему и будущему, ничтожными стали выглядеть придирки «любителей изящной словесности», находивших недостатки в захлебывающейся его речи, в конструкции его романов, где время уплотнено и сдвинуто, в психологии иных лиц, казавшейся надрывной и нервозно-преувеличенной. Теперь-то видно: психологический и речевой поток в романах Достоевского — живая, раскаленная лава, извергаемая его «огненной душой, и какой педант вправе указывать ей законы движения и направлять в прокопанный эстетической критикой русло?

В жизни Достоевского, на самом его восходе, было событие, определившее всю позднейшую его философию и личную судьбу. Молодой писатель, участник оппозиционного кружка Петрашевского, где увлекались идеями французского социализма, он был приговорен в 1849 году к смертной казни и пережил несколько ужасающих минут на эшафоте, обитом черным сукном. Приговор был отменен внезапным изволением царя, но эти минуты его перевернули, а последовавшая затем каторга заставила на многое взглянуть иначе.

Смерть носилась перед его взором, заставляя острее оценить притягательность жизни. Самоубийство стало для него навсегда не только запретным, но позорным исходом, и мерзвейшего из своих героев — Смердякова он накажет этим иудинским концом. Сам же Достоевский уверует в то, что жизнь не кончается со смертью, и нужна какая-то иная, чем привычно сознанию, мера, чтобы оценить поступки людей. То, что Достоевский оказался в положении государственного преступника, отбывающего каторгу вместе с уголовным людом, помогло ему по-новому взглянуть на преступление. Его стала интересовать психология преступления как бунта сильного человека, как извращенное обстоятельством извечное стремление

человека к свободе. Общение с сотоварищами по кандалам и бараку заставило его по-своему переоценить и идею равенства. Вся жизнь потом с пристрастием почти болезненным обсуждалась им идея социального равенства в его книгах, где он находил для нее сотни подтверждений и сотни же опровержений.

Люди не вправе распоряжаться любой, пусть самой ничтожной человеческой жизнью. Достоевский говорил об этом, когда цена одной жизни казалась куда большей. Мир чистогана пытался приучить нас к другой социальной арифметике — массового уничтожения людей в тех или иных целях и обычно под предлогом общественного блага.

Раскольников убивает старушку-процентщицу, жалкую «восьмь», следуя отвлеченной «идее» и делая одновременно испытание своей «свободе воли», — им не принята в расчет лишь пытка совести. Иван Карамазов никого не убивает, но его «идея», его «слово» развязывает руки отцеубийце Смердякову.

Человек плохо сознает последствия своих поступков, хочет сказать Достоевский, а человек рационально мыслящий — хуже всего. Слово рок тяготеет над людьми, ставшими жертвами извращенного понимания общественного возбуждения того времени в романе «Бесы»: соединяясь для борьбы с миром, который не приемлют, они легко впадают в «бесовщину».

Дорога к вечности шла у Достоевского через ближайшую и тесно обступившую его современность. Газета, судебный отчет, разговоры в трактирах, толки на улице и в гостиницах — вот почва его творчества. Он жадно прочитывал листы газет с репортажами о процессе Печаява, убиравшего в гроте Петровского парка студента Иванова, своего единомышленника единственной виной которого было то, что он не пожелал служить чужой воле и нарушил «кодекс революционера». В «кодексе» этом говорилось: «Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть заданы...» Вот отчего Достоевский писал роман «Бесы», в котором будто предсказано многое из новейшей истории — от террористической деятельности итальянских «красных бригад» до трагедии Кампучии под властью полководцев и практики китайской «культурной революции».

Таким образом, в его пророческом даре не было, по-видимому, ни капли мистицизма. Есть люди, хоть они и редки, которые, подобно некоторым зверям, обладают сверхчуткостью в отношении отдаленных тектонических взрывов и «кожей чувствуют» землетрясения. Есть и другие — разыскали колдовцев, которые в безводной пустыне, шагая с палочкой в руках, безошибочно укажут место, где надо копать, чтобы добраться до водоносного слоя. Достоевский обладал этой сверхчуткостью в отношении

В нынешнем году две знаменательные даты: 160 лет со дня рождения и 100 лет со дня смерти великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского.

Вот уже более 100 лет миллионы культурных людей всего мира читают и перечитывают такие повести и романы, как «Бедные люди», «Идиот», «Подросток», «Игрок», «Преступление и наказание», «Дядюшкин сон», «Бесы», «Братья Карамазовы». По этим произведениям лучшими режиссерами всех стран поставлено множество кино- и телефильмов, спонтанлей. Литературоведами различных государств написаны тысячи работ о мировом значении творчества Достоевского, о его влиянии на развитие едва ли не всех национальных литератур.

До сих пор Достоевский является одним из самых читаемых писателей мира и одновременно — одним из самых спорных, потому что произведения Федора Михайловича Достоевского чрезвычайно сложны, многогранны и многозначны. Он сумел показать такие психологические глубины человеческого сознания, сумел поставить столь острые нравственные вопросы, что значение их и актуальность с течением лет не убывает, а, напротив, возрастает.

ЮНЕСКО объявило 1981 год Годом Достоевского. Как всегда и юбилеям классиков литературы, «Литературная Россия» проводит публикацию «чтений», посвященных творчеству писателя.

Сегодня статьей известного критика и литературоведа Владимира Лакшина мы открываем рубрику «Литературные чтения: Год Достоевского».

КРАСОТА СПАСЕТ МИР

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ. Фото 1880 г.

общественной и личной природы человека. То, что не замечалось другими и было лишь еле заметной почкой, бледным, ничтожным, едва проклюнувшимся ростком будущего «анчара», ядовитого дерева, прозревалось им, как будто его плоды он уже видел собранными в корзинах.

Нам неуютно, не по себе в окружении большинства героев Достоевского: безудержных, мнительных, болезненно-ущемленных, беспутных, одержимых страстями: Свидригайлов и Раскольников, Ставрогин и Смердяков, Дмитрий Карамазов и Рогожин, «инфернальница» Полина и «бесенок» Лиса... Легкий соблазн — заподозрить, что этот мир и есть мир личности Достоевского, как, впрочем, и иной просветленно-идеальный мир старца Зосимы, Алехи Карамазова и Сони Мармеладовой.

Недавно я снова побывал в

петербургской квартире Достоевского, где теперь помещается его музей: там писатель прожил последние два года жизни. Окна фасада выходят на Кузнечный переулочек, вблизи того места, что издавна называется Пять Углов — неприятельный уголок северной столицы, где жили чиновники и мещане и сдавались внаем недорогие квартиры. Было утро и по пустынным комнатам музея меня провожала старушка-смотрительница, объяснявшая все очень по-домашнему, как будто она приходилась родней Федору Михайловичу.

Меня поразила не бедность, но скромность этого обиталища, полученного внаймы: детская с кубиками и игрушечной посудой, каракульки дочери (он обожал детей — Федю и Любу), крохотная угловая комната жены — Анны Григорьевны; овальный стол в гостиной и диван, на котором, кажется, только что сидел Достоевский, разговаривая с гостем и набивая гильзы табаком (пустая папиросная коробка стоит на столе и на ее доныце просыпавшиеся из-под его пальцев крошки табаку); в полутемном кабинете — свечи на столе и остывший стакан чая...

Семья и работа — вот стиль жизни человека, который обитал здесь: ни тени инфернальности или темной загадки, ни след бурных страстей и душевных «бездн». В такой квартире не могли бы жить Свидригайлов или Карамазовы, и делают обычную ошибку те, кто под гипнозом художественного внушения путают автора с его героями.

Достоевский горевал об унижении бедности, проклинал подлость власти над людьми, захваченной силой и богатством. Но особым зрением он вглядывался во все виды ущербности челове-

ка. Он показал, что человек, начавший сознавать себя и ущемленный, опасен, как тарантул. Спеленатый догмами, зависимостью от власти и денег, он болезненно зависит еще и от самого себя, своего самолюбия, дремлющих в нем инстинктов. Человек стремится к свободе, к тому, чтобы «по своей волюшке» пожить, и преступление — оборотная сторона свободы.

Да любит ли в таком случае Достоевский людей? Какое может быть в том сомнение! Но в его гуманизме нет и тени благодушия.

Достоевский не утешает: он сердит, тревожит, мучит нас. Когда-то в век Возрождения человечество радостно удивилось, увидев себя в зеркале итальянского искусства и восхитившись самим собою: какое все же совершенное и прекрасное существо человек!

Достоевский снова заставил нас задуматься, когда восторженные песни старого гуманизма были изрядно запеты: не обольщение ли наша вера в человека? Он режет радуется, чаще ужасается человеку, потому что заново открыл, что человек опасен, что он может быть врагом самому себе, своим близким, обществу, в котором живет, кажется, и всему человеческому роду. Героям этого писателя свойственно восхищать нас беспредельным благородством и поражать убийственной низостью. А приходится жить рядом и с тем, и с другим.

Во что же верить тогда, на чем остановить усталый взгляд? Красота спасет мир — говорит Достоевский. Красота женщины — Настасья Филипповна, Грушеньки, — перед которой беззащитны герои Достоевского, — только самое наглядное и манящее выражение той бесомненной красоты мира, что зовется гармонией. Красота, как гармония духа, и в лике молчащего Христа — это освобождение от самолюбивых и притязательных конвульсий эгоизма в пользу понимания, сострадания и братского соединения людей.

Само название романа «Идиот» было в лицо своей дерзостью, заключало вызов чопорному благоприличию. Герой Достоевского казался человеком «не от мира сего», но с огромной духовной независимой силой, и если бы Сервантес и Шекспир жили в XIX веке, они могли бы так же назвать прославившие их сочинения. Ведь и Дон Кихот, и Гамлет — тоже, по расхожим понятиям, «идиоты», то есть люди, выпавшие из тележки будней, чужие своему времени и среде. В лучшем случае их зовут «чудаками», их не признают, их топчут современники, чтобы потомки плакали над их поздним житием. Одна поэзия их заступница: благородная вера Дон Кихота, одержимость справедливостью Гамлета, искренность и чистота князя Мышкина — черты духовной красоты. И в этом смысле тоже — красота спасет мир!

Бесстрашие духа свойственно Достоевскому. «Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю...» — мог бы повторить он о себе слова Пушкина. Когда я думаю о нем, то воображаю порой скалистый обрыв и его идущим по узкой горной тропинке. Спутники его инстинктивно жмутся к каменной стенке, стараются не глядеть себе под ноги, из-под которых осыпается грунт и катятся в пропасть мелкие камни... А он идет, то и дело взглядывая вниз, в темную бездну, всматриваясь в нее пылливо и бесстрашно, потому что ощущает над головой бесконечное, вечное небо.

Книжная графика

Из иллюстраций художника М. РОЙТЕРА к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».